

Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gurevich_ls@mail.ru

Аннотация. В статье ставятся вопросы теории перевода, связанные с передачей культурно детерминированных смыслов, которые напрямую соотносятся с коммуникативно-прагматическим аспектом межкультурной коммуникации. Автор исследует специфику культурных кодов, особенности их идентификации и декодирования заключенной в них культурной информации. Основными методами исследования являются когнитивный, сопоставительный, описательный и гипотетико-дедуктивный методы. Материалом исследования послужили переводческие практики политического дискурса.

Ключевые слова: культурный код, инференция, лингвокультурная коннотация, кодированная культурная информация, межкультурная омонимия, декодирование

Для цитирования: Гуревич Л. С. Проблемы перевода культурно детерминированных смыслов: «непереводимые» культурные коды // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 9 (890). С. 119–126.

Original article

Culturally Determined Meanings Translation Problems: “Untranslatable” Cultural Codes

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gurevich_ls@mail.ru

Abstract. The communicative and pragmatic components of interlanguage communication are closely linked to the translation theory concerns examined in this article, which deal with the transfer of culturally determined meanings. The author delves into the intricacies of cultural codes, the peculiarities of their identification and decoding of the cultural information contained in them. Cognitive, comparative, descriptive, and hypothetical-deductive approaches are the primary research techniques. The political discourse translation procedures served as the study material.

Keywords: cultural code, inference, linguistic and cultural connotation, encoded cultural information, interlanguage homonymy, decoding

For citation: Gurevich, L. S. (2024). Culturally determined meanings translation problems: “untranslatable” cultural codes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(890), 119–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Из всех существующих на сегодняшний день проблем перевода, пожалуй, наименее всего получили свое теоретическое осмысление проблемы, связанные с «переводом культур», которые, с одной стороны, выходят за пределы чисто лингвистического знания и не являются объектом собственно лингвистического анализа, с другой стороны, указывают на наличие не принимаемой во внимание «специфической прагматики» исходного текста перевода, без которой его верная интерпретация в переводном тексте становится невозможной. К такого рода «специфической прагматике» следует отнести прагматику культурных кодов, исследование которой на сегодняшний момент становится особо актуальным.

В современном переводоведении особое внимание уделяется коммуникативно-прагматическому аспекту переводного текста, при этом учитываются многие экстралингвистические факторы функционирования текста и степень его воздействия на адресата. Как справедливо отмечает М. В. Никитин, «...текст как продукт сам по себе мертв в том смысле, что в нем нет мысли вне дискурса и дискурсантов, вне процессов речевой деятельности – порождения и понимания речи. В тексте как таковом нет движения, он не меняется. Движение мысли совершается в дискурсантах, отчего и возникают различия в интерпретации одного и того же текста (одной и той же кодировки мысли)» [Никитин, 2003, с. 262].

В качестве конститутивных принципов «текстопорождения» и «текстовосприятия» В. Дресслер и Р.-А. де Богранд указывают на существование семи фундаментальных признаков (свойств) текста, таких как когезия, когерентность, адресованность, интенциональность, информативность, ситуативность и типологическая интертекстуальность [Beaugrande, Dressler, 1981], причем так называемая «кодировка мысли» определяется на уровнях «ситуативности» и «типологической интертекстуальности», но не всегда поддается «декодированию». И это замечание относится в большей степени к переводу культурно детерминированных коннотаций и культурных кодов [Баранчеева, 2015, с. 194]. Современными исследователями отмечается любопытная закономерность: расхождение прагматических значений лексем в процессе перевода наблюдается значительно чаще, чем референциальных значений (см. работы В. С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, Л. А. Черняховской, А. Д. Швейцера и др. [Виноградов, 2001; Влахов, Флорин, 1980; Черняховская, 1976; Швейцер, 1973]).

Идея дифференцированного подхода к интерпретации экстралингвистической сущности культурных коннотаций не единожды высказывалась ведущими учеными во второй половине XX века. В своих работах Ю. Д. Апресян указывает на то, что в отдельных случаях следует учитывать их внеязыковую, или, точнее, пресуппозиционную природу. Однако даже в этом случае научная мысль не выходит за пределы языковой инференции, подчеркивая устойчивую материализацию лингвокультурных смыслов «в переносных значениях, метафорах и сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций» [Апресян, 1995, с. 163]. Таким образом, внеязыковые смыслы, передаваемые в переводе «чужих культур», фиксируются в языковых единицах. Ситуативные, или в лингвистической терминологии контекстуально обусловленные, значения выпадают из зоны исследовательского интереса переводоведения. Культурные коды остаются за пределом теоретического осмысления перевода как дисциплины, создавая теоретическую лакуну в научном знании.

Основной целью данного исследования является определение статуса культурных кодов в теории переводоведения и способов решения переводческих проблем, связанных с культурно детерминированными смыслами.

Сопутствующими **задачами** в достижении данной цели являются:

- а) разграничение культурно детерминированных смыслов и определение специфики культурного кода в данной категории;
- б) анализ специфики смыслов культурных кодов;
- в) определение критериев, способствующих обнаружению «культурно кодированных» смыслов в контексте;
- г) анализ переводческих ошибок, связанных с культурными кодами, и разбор вариантов решения проблемы непереводимости культурных кодов.

«КУЛЬТУРНЫЙ КОД» КАК ОСОБЫЙ ВИД КУЛЬТУРНО СПЕЦИФИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В ПЕРЕВОДЕ

Так что же такое «культурный код» и в чем заключается его специфика? Как она проявляется в переводе?

Согласно нашему определению, культурный код следует понимать как «*сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов,*

поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом, и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума *с позиции внешнего наблюдателя*» [Батыршин, Гуревич, 2024, с. 11].

Культурные коды, являясь ментальными конструктами, не имеют фиксированного смысла, закрепленного за какой-либо языковой единицей. Этот смысл *ситуативен*: он зависит от множества факторов межкультурной коммуникативной ситуации. Культурный код *требует декодирования*, поэтому фактор внешнего наблюдателя особо важен для интерпретации культурно-специфического смысла. Более того, культурные коды достаточно часто *остаются за пределами* не только интерпретации, но и распознавания самого факта существования культурного кода в ситуативном контексте. Сложностью декодирования представителями «чужих» культур обладает именно та информация, которая, по определению В. Н. Телия, представляет собой «интерпретацию денотативного и образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1999, с. 214–215], а также семантически не связанную с языковой единицей прагматическую информацию, «наслаивающуюся» на нее в процессе инференции культурно-специфического контекста.

Как показывают данные настоящего исследования, культурно детерминированные смыслы могут быть актуализированы, по крайней мере, двумя способами:

- 1) с помощью *лингвокультурной коннотации*, передающей культурно-специфическую информацию, которая либо устойчиво ассоциируется, либо уже является узальной, т. е. закрепленной за языковой единицей и признаваемой частью семантической структуры слова;
- 2) посредством *культурных кодов*, т. е. кодированной культурной информации, «ключ» от которой не лежит на поверхности семантической структуры слова, а «приобретается» в процессе погружения в культурную среду общества, разделяющего так называемую «внутригрупповую информацию» [Tajfel et al., 1971; Лотман, 1996].

В чем же кроется отличие и почему мы предлагаем выделить культурный код так же, как и культурную коннотацию, в отдельную категорию культурно детерминированных смыслов?

Культурная коннотация в терминологии В. Н. Телия и В. А. Масловой представляется, как связующее «звено» между языковыми знаками

и знаками национальной культуры, такими как стереотипы, эталоны, символы, концепты и пр. [Телия, 1999; Маслова, 2024]. В такой трактовке термин «культурная коннотация» представляет собой некое подобие «зонтикового термина» [Кубрякова, 1994, с. 35], который объединяет в себе понимание культурной коннотации как «культурно-национального смысла языковой единицы» (т. е. части семантики языковой единицы, относящейся к области исследования лингвистики) и как «социальную, эмоциональную и эмоционально-образную значимость языкового знака для той или иной лингвокультурной общности» [Мамонтов, 2000, с. 115], подпадающую под область научных интересов таких гуманитарных дисциплин, как культурология, лингвокультурология, социолингвистика и пр. Причем понятие «значимость» языкового знака здесь употребляется не терминологично, поскольку оно не объясняет сущности анализируемого феномена. Является ли эта «значимость» частью семантики слова, или же она лежит где-то за пределами языкового значения? Этот вопрос требует отдельного пояснения.

Культурная коннотация *стабильна* в плане передачи культурных смыслов, поскольку она связана либо с семантикой слова, либо с лингвокультурным символом или стереотипом и пр., характеризующимся наличием устойчивых культурно маркированных ассоциаций. Информация, которая содержится в *культурном коде*, связана исключительно с *интерпретативным компонентом значения*. Она *неустойчива и нестабильна*, поскольку является результатом апелляции говорящего к событиям и фактам культурной жизни социума и существует в статусе культурного кода до тех пор, пока сохраняется в его коллективной памяти. Это «внутригрупповая информация», которую разделяют отдельные представители данной культуры и которая остается недоступной для другой, «непосвященной» ее части, в том числе для представителей чужой культуры [Лотман, 1996].

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК СЕРЬЕЗНАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1. Примером того, как культурные коды становятся серьезной переводческой проблемой, может стать уже широко известное интервью американского журналиста К. Симмонса с В. В. Путиным. Рассмотрим отрывок из беседы, который привлек внимание многих специалистов, так или иначе связанных с переводом:

Keir Simmons: Yeah. You are a religious man. President Biden is saying he told you to your face, "You don't have a soul" (*Laughter*). – *К. Симмонс*: Да, Вас часто описывают как религиозного человека, и он говорил, что он прямо в лицо сказал: «Вы бездушный человек».

Vladimir Putin: I do not remember this. ***Something is wrong with my memory***¹. – *В. Путин*: Я такого не помню. «Что-то с памятью моей стало»².

Англоязычный переводчик дал чисто семантический перевод фразы *что-то с памятью моей стало* как *something is wrong with my memory*, не заметив закодированной культурной информации и, соответственно, совершенно иного, иронического смысла. Буквально на следующий день после публикации данного интервью в ведущих зарубежных изданиях прокатилась череда сообщений о том, что Президент России страдает от проблем с памятью: он сам открыто об этом заявил.

Понятной с точки зрения лингвокультурных смыслов эта фраза стала лишь для тех представителей русской лингвокультуры, кто был знаком с фильмами «Минута молчания» и «В бой идут одни старики», в которых звучала песня на стихи Р. Рождественского «За того парня». После официальных заявлений российской стороны в текст интервью во многих изданиях были сделаны поправки: некоторые переводчики внесли синтаксические изменения в текст, поставив кавычки, некоторые даже дали сноски, указав на источники цитаты. Но особого понимания смысла сказанного с помощью данных манипуляций с текстом достигнуто не было. Ни те, ни другие переводчики не справились с переводом культурного кода.

Анализ переводческой ошибки. Как уже отмечалось ранее, культурные коды содержат информацию, которая не привязана к отдельным лексемам и, следовательно, не относится к разряду лингвокультурных коннотаций. Другим существенным отличием культурного кода от культурной коннотации является наличие у кода маркера смысла, который следует декодировать в процессе инференции смысла высказывания.

Почему мы так уверенно говорим о наличии культурно кодированной информации во фразе *что-то с памятью моей стало*, которую не смогли уловить англоязычные переводчики в процессе перевода, приняв небольшое нарушение порядка слов в предложении за допустимую и свойственную синтетическим языкам вариацию свободного

порядка слов? Безусловно, оба варианта передачи одного и того же смысла возможны, как (а) *что-то с памятью моей стало*, так и (б) *что-то стало с моей памятью*, причем нарушения правил синтаксиса в ни первом, ни, тем более, во втором случаях не наблюдается. Однако прототипической грамматической конструкцией является вариант (б), в котором, несмотря на возможные вариации, типичной моделью является: «подлежащее + сказуемое + предложное дополнение». Последнее из них состоит из существительного и притяжательного местоимения в функции определения к главному слову. В типичной модели оно предшествует существительному. Данная прототипическая грамматическая конструкция указывает на то, что в предложении актуализируется прямое значение входящих в него лексем (если у предложения нет определенного контекстного окружения, указывающего на наличие переносного смысла). В варианте (а) нарушение типичного порядка слов сигнализирует о том, что в предложении заложен скрытый невербализованный смысл, особая прагматика фразы, которая может наблюдаться в случаях грамматической инверсии. Те, кто владеет кодом дешифровки скрытого смысла данного высказывания, с легкостью продолжит недосказанную фразу: «*Все, что было не со мной, помню*», которая является ключевой в понимании имплицитного смысла предшествовавшего предложения. Однако полное понимание этой пары фраз достигается с помощью апелляции к полному тексту песни. В ней поется о погибшем в Великой Отечественной войне парне, который обещал матери вернуться с войны. Рассказчик, от чьего имени ведется нарратив, обнаруживает у себя странное свойство помнить то, чего с ним никогда не было, «за того парня».

В контексте анализируемого интервью, В. В. Путин использовал эту фразу иронически, и импликация данной фразы была, приблизительно, следующей: «Вы настаиваете на ложных фактах. По-Вашему, я должен помнить о том, чего со мной никогда не случилось?» Ирония фразы не была услышана представителями чужой лингвокультуры, что касается русскоязычных переводчиков, то они ограничились ссылкой на кодированную культурную информацию без расшифровки имплицитного иронического смысла высказывания.

2. В том же самом интервью телеканал NBC дал дословный перевод и других цитат, в которых англоязычные переводчики не уловили скрытого культурного смысла. Несмотря на то, что этот факт также стал достоянием общественности и попал в многочисленные публикации, никто из исследователей не отметил *наличие культурных кодов* и не

¹URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649>.

²URL: <https://inosmi.ru/20210614/249914022.html>.

указал на наличие специфических маркеров, позволяющих обнаружить кодированную информацию. Между тем ее можно успешно выявить, указав на необходимость ее специфического декодирования, которое напрямую не связано с семантикой входящих в высказывание слов.

В эпизоде, касающемся обвинения России в массовых кибератаках, В. В. Путин сказал: «На такие бездоказательные обвинения я могу Вам ответить: *"Можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ"*. Вас это устроит?» Телеканал NBC дал следующий перевод:

With— when there is— when there are charges— without— evidence, I can tell you, ***you can take your complaint to the International League of Sexual Reform***¹.

На наличие скрытого имплицитного смысла указывает апелляция Президента России к несуществующей на сегодняшний момент правовой инстанции со специфическими для рассмотрения вопросами. Два пропозициональных компонента пресуппозиции как бы уравниваются в предложении в соответствии с оценкой автора обеих пропозиций по критерию «СУЩЕСТВУЕТ / НЕ СУЩЕСТВУЕТ». Поскольку автор признает обвинения в массовых кибератаках «бездоказательными» (оценка «НЕ СУЩЕСТВУЕТ»), то и обращаться с обвинениями стоит в правовую организацию, которой уже нет (оценка «НЕ СУЩЕСТВУЕТ»). Более того, фраза *можете жаловаться в Международную лигу сексуальных реформ* культурно маркирована, поскольку является цитатой из известного произведения И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», в котором главный герой повествования Остап Бендер отправляет другого персонажа – Паниковского – направить свою жалобу на то, что он «старый, и его девушки не любят», в «Международную лигу сексуальных реформ». Апелляция к известному в России произведению, которое не смогли идентифицировать и декодировать англоязычные переводчики, производит дополнительный юмористический эффект на тех, кто владеет «ключом» от культурного кода: обвинение России в кибератаках смехотворно, как смехотворна сама по своей природе Международная лига сексуальных реформ.

Что касается NBC News, она перевела данную фразу дословно, и в таком варианте перевода полностью отсутствовал смысл. Культурный код остался нераскрытым в инференциях смысла представителями чужих лингвокультур.

¹URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-n1270649>.

3. Интересным с точки зрения переплетения культурно детерминированных смыслов является пример перевода одной из цитат В. В. Путина из выступления на мероприятии, посвященном 80-летию прорыва блокады Ленинграда. Рассказывая о попытке России урегулировать разногласия с Украиной мирным путем, В. В. Путин произнес: «Мы долго терпели, долго пытались договориться. Как сейчас выяснилось, нас просто водили за нос, обманывали».

На сайте Такера Карлсона в переводе фразеологизма «водить за нос» появился «переводческий эквивалент» – *to lead somebody by the nose*, который в силу определенных причин не стал таковым, поскольку с течением времени претерпел ряд языковых, смысловых трансформаций в двух различных лингвокультурах: русскоязычной и англоязычной.

Обращаясь к этимологии данного фразеологизма, мы находим предположение о том, что изначально он появился в странах Средней Азии и был связан с представлением о том, как люди приручали животных, по большей части, верблюдов, которым прокалывали ноздри и продевали в них кольцо. В Европе то же самое проделывали с медведями и быками. В кольцо продевали веревку и тянули за нее. Животное, пытаясь избежать боли, шло туда, куда его тянули. Как следствие, во многих языках, в странах, где это явление было знакомо, появился фразеологизм, построенный на ключевом смысле образа – «тянуть за ноздри на веревке в нужную сторону». Но вот что оказалось интересным для данной трансформации: сохраняя формально совпадающую номинацию, оборот «водить за нос» в различных языках выражает различный смысл. К сожалению, переводчики далеко не всегда актуализируют иносказательный смысл идиомы «водить за нос». Не вдаваясь в подробности механизма формирования и развития в диахроническом срезе фразеологического или метафорического смысла, отметим, что, когда в основе метафоры (или фразеологизма) изначально лежит цельный образ, а в процессе многовекового функционирования образ «стирается», мы в таком случае говорим о «стертой метафоре», образный характер которой уже не определяется, и в номинации остается единственный передаваемый метафорой смысл. По своей сути, стертая метафора здесь подобна моносемантической лексеме. Именно на этом этапе мы можем столкнуться с явлением «ложных друзей переводчика»: из когда-то цельного образа динамической картины события остается для удобства языкового функционирования один единственный смысл, который не совпадает с единственным смыслом, сохранившимся в другой лингвокультуре. Так произошло и с фразеологизмом «водить за нос», который

в русской лингвокультуре сохранил смысл «обманывать, вводить в заблуждение», в то время как в англоязычной лингвокультуре у фразеологизма *«to lead (someone) by the nose»* в процессе смысловых трансформаций и «отсеивания ненужных смыслов» сохранился смысл «убеждать кого-либо делать то, что хочешь»¹ или, по другим источникам, «полностью контролировать или доминировать над кем-то, заставляя его делать все, что вы хотите, без вопросов и сопротивления»².

Ошибка англоязычного переводчика заключалась в том, что решающую роль для выбора переводческого эквивалента для него сыграли общая этимология фраз *водить за нос* и *to lead (someone) by the nose*, а также совпадение формальной стороны фразеологизма – лексического значения поверхностной структуры языковой единицы. Несмотря на то, что специфический смысл русского фразеологизма был далее расшифрован В. В. Путиным, который добавил: «обманывали», носитель чужой культуры неверно подобрал ключ к декодированию чужого культурного кода и неправильно выбрал переводческий эквивалент.

Русскоязычный переводчик, в отличие от англоязычного коллеги, верно понял смысл высказывания Президента, но в подборе эквивалента также ошибся в английских культурных кодах и перевел *водили нас за нос* как *pulled our leg* («to deceive someone playfully, to play a joke» – «игриво обмануть кого-то, разыграть шутку»), что также не совсем точно отражает всю серьезность описываемой президентом ситуации.

Завершая анализ переводческой практики политического дискурса, мы можем отметить, что ключи от культурных кодов двух различных лингвокультур на пересечении омонимичных переводческих эквивалентов (межязыковой омонимии)

оказались недоступными представителям взаимно «чужих» лингвокультур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показали результаты анализа множества лингвистических фактов, культурные коды – это невербальные феномены, которые проявляются в вербальных единицах, влияют на них. Вот почему культурные коды невозможно не учитывать и в переводческой работе.

Вопросы, связанные с коммуникативно-прагматическими проблемами перевода, обладают повышенной сложностью, поскольку, по большей части, они носят субъективный характер и зависят от конкретной ситуации общения. Кроме того, культурные коды всегда обращены к прецедентным культурным текстам, проявляя сложное для инференции смысла *свойство интертекстуальности*. Возможно, по этой причине из семи фундаментальных признаков текста, предложенных В. Дресслером и Р.-А. де Бограндом, ситуативность и типологическая интертекстуальность остались менее всего изученными.

Еще одной значимой причиной того, что культурные коды выпали из зоны научного интереса переводоведения, как дисциплины, является их «незаметность». Коды как бы «теряются» во множественном контексте, что требует дополнительных усилий для их верификации и декодирования.

Тем не менее культурные коды содержат имплицитные, как бы зашифрованные в речи, культурные смыслы, которые, оставаясь незамеченными большинством слушающих, способны диаметрально изменить передаваемый смысл фразы. Поэтому культурные коды являются исключительно значимым элементом дискурса, требующим повышенного внимания и тщательного изучения в будущем.

¹URL: <https://langwitch.ru/idioms/lead-someone-by-the-nose/>

²URL: <https://www.thevillageidiom.org/idioms/lead-by-the-nose-idiom-meaning-and-origin/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
2. Beaugrande R. -A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.
3. Баранчеева Е. И. Прагматический потенциал переводного текста // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. №2(24). 2015. С. 193–200.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
6. Черняховская Л. А. Перевод и смысловая структура. М.: Международные отношения, 1976.
7. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
8. Апресян Ю. Д. Язык. Семиотика. Культура // Избранные труды: в 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2.

9. Батыршин Р. И., Гуревич Л. С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Культурная жизнь Юга России. № 1 (92). 2024. С. 7–18.
10. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
11. Tajfel H., Billig M. G., Bundy R. P., Flament C. (1971). Social categorization and intergroup behavior // European Journal of Social Psychology. Issue 1 (2). P. 149–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ejsp.2420010202> (дата обращения: 13.06.2024).
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов / ответственный редактор У. М. Бахтикиреева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. URL: <https://urait.ru/bcode/540160> (дата обращения: 13.06.2024).
14. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. С. 34–47.
15. Мамонтов А. С. Язык и культура: основы сопоставительного страноведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

REFERENCES

1. Nikitin, M. V. (2003). Osnovaniya kognitivnoj semantiki = Fundamentals of Cognitive Semantics. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Beaugrande, R. -A. de, Dressler, W. U. (1981). Einfuhrung in die Textlinguistik. Tübingen.
3. Barancheeva, E. I. (2015). Pragmatic potential of the translated text. Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University, 2(24), 193–200. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. S. (2001). Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translation Studies. Moscow: Izdatel'stvo Instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.)
5. Vlahov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoe v perevode = Untranslatable things in translation. Moscow: International Relations Publishing House. (In Russ.)
6. Chernyahovskaya, L. A. (1976). Perevod i smyslovaya struktura = Translation and semantic structure. Moscow: International Relations Publishing House. (In Russ.)
7. Shvejcer, A. D. (1973). Perevod i lingvistika = Translation and linguistics. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Apresyan, Yu. D. (1995). Yazyk. Semiotika. Kul'tura = Language. Semiotic. Culture. Izbrannye trudy (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
9. Batyrshin, R. I., Gurevich, L. S. (2024). Fenomenologicheskie aspekty ponyatij «nacional'naya kul'turnaya identichnost'» i «kul'turnyj kod nacji» = Phenomenological aspects of the concepts of “national cultural identity” and “National cultural code”. Cultural Studies of the South of Russia, 1(92), 7–18. (In Russ.)
10. Teliya, V. N. (1999). Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury = Priority tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture. In Teliya, V. N. (ed.), Frazeologiya v kontekste kul'tury. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
11. Tajfel, H., Billig, M. G., Bundy, R. P., Flament, C. (1971). Social categorization and intergroup behaviour. European Journal of Social Psychology, 1 (2), 149–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/ejsp.2420010202> (accessed: 13.06.2024).
12. Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya = Inside the Thinking world. Man – Text – Semiosphere – History. Moscow: Yazyki russkoj kul'tur. (In Russ.)
13. Maslova, V. A. (2024). Lingvokul'turologiya. Vvedenie = Linguoculturology. Introduction: textbook for universities Executive Editor U. M. Bahtikireeva. 2nd edition. Moscow: Yurajt. <https://urait.ru/bcode/540160> (accessed: 13.06.2024). (In Russ.)
14. Kubryakova, E. S. (1994). Nachal'nye etapy stanovleniya kognitivizma: lingvistika – psihologiya – kognitivnaya nauka = Early stages of the formation of cognition: linguistics – psychology – cognitive science. Problems of Linguistics, 4, 34–47 (In Russ.)
15. Mamontov, A. S. (2000). Yazyk i kul'tura: osnovy sopostavitel'nogo stranovedeniya = Language and culture: fundamentals of comparative regional studies: Doctor of Philology Thesis. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуревич Любовь Степановна
доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurevich Lyubov Stepanovna
Doctor of Philology, Associate Professor
Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.05.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	23.06.2024	
	24.06.2024	